

Тёть Дуня, так мы, племянники, звали всегда сестру нашего папы Евдокию Ивановну, по мужу Синицыну, относилась ко мне вообще как к сыну. Даже когда мне за шестьдесят перевалило, я всё для неё Васенька. Вечно зазовёт, напоит чаем с мёдом, даст пирожка с собой. Может быть, потому, что с её сыночком Ванюшкой мы были когда-то ровесники. Но он, к несчастью, в семилетнем возрасте помер...

— Ну что там, золотушный был, — крестились сестры тёть Дуни, его тётушки, молодые тогда... Тогда все они были молодые. Хотя с высоты моего тогдашнего возраста они уже были почти что старые, и чем дальше, тем старее становились.

Но раза два-три в год все сестры с мужьями и мой мать-отец собирались у кого-либо на гулянку. И пели песни. Уж певуны были!.. Вспоминали деда моего, бабушку, а ещё вспоминали брата своего, Вася, не вернувшегося с войны. Меня в память Вася и называли Василием. Ах, как пели песни! Рядились сначала между собой:

— Ты, Матрён, первым голосом...

— А ты, Авдотья, подголоском...

Сначала я как-то не очень прислушивался, да и понятно. А затем, с возрастом, даже записывать стал те песни, петье тётушками. «Катенька-Катюша, купецкая дочь», «Посадила я гуречки» (огурцы, то есть!), «Когда б имел золотые горы», «Вышла Маша на крылечко», «Как родная меня мать провожала...», «Выходила на берег Катюша...» — бумаги не хватит перечислять. «Цыганочка Аза» ещё, а припевок сколько! Пойдут плясать да всё с припевками. Такие припевки, что... Мужья жмурились. А мужья все фронтовики. Николай Иванович Синицын, Григорий Иванович Вавилов, ещё Николай

Иванович — Гвоздев... Иногда в компанию приходила старшая их сестра — тётка Анна. Вдова. Муж Василий Сёмин погиб в Сталинграде. Жалели её, при ней не плясали. Но она скоро уходила, и веселье вспыхивало с новой силой.

А тётъ Дуня не плясала. Или что-то очень редко. И уж тем более не пела припевок. Она и песни пела со своими сестрами лишь печальные, весёлых почти не пела. И глаза у неё всегда были как будто усталые, грустные. И краешки губ чуть изгибались книзу печально...

К ней в такие минуты всегда наш зять, дядя Гриша подходил. Они с тетей Таней жили в городе, я их очень уважал тогда... Во-первых, он любил петь песню «Дан приказ: ему — на запад...». Классная песня! Во-вторых, он тоже был на фронте, остался хромым. И был капитаном, командиром артиллерийским. Так вот, он к тётъ Дуне:

— Авдотья! Чего? Чего грустная такая? А? Однополчанка! Ко мне на батарею снаряды подвозила — не плакала, всегда весёлая, а здесь вдруг приуныла?!. Ну-ка, ну-ка, а давай выпьем!..

Пригубит, бывало, тётъ Дуня, повеселеет.

Тётя Дуня и познакомила свою сестру Татьяну с бывшим однополчанином сразу почти после фронта. Случайно встретились. Он приехал на ферму в колхозную деревню возле города за молоком для заводской столовой и вдруг — однополчанка! И сестра её, Татьяна Ивановна, тётъ Таня, красивая была. На фотографию глянешь послевоенную — такая причёска у тёти Тани!.. Такая улыбка!..

А тётъ Дуня...

— Что уж ты всё грустная какая-то? — после и я стал выпрашивать у неё. — Войны нет, пенсия хорошая... И у тебя, и у дядь Коли...

— Да што пенсия-т. В ей рази дело? У меня, ить, Ванюшка всё перед глазами. Как живой доси. — И заплакала-запричитала. — Как он там без меня, один-одинёшенек? А как я без него, разнесчастная мать. Один ведь он у меня был, один-разъединственный..., — причитать она умела.

- Сколько лет прошло, — дивились мы, бывало, — полста, больше, а все она о своем Ванюшке убивается...

Оказывается, после рождения первенца ей нельзя было иметь других детей. Фронтовое заболевание какое-то... надорвалась ли... Потому о фронте и вспоминать не любила.

— Ты лучше у самого спроси, — отошёл, бывало, к мужу, Николаю Ивановичу. — Тот умеет и любит покалякать, вот с ним и разговаривай. А я... сначала шофёром, после прачкой...

Дядь Коля — да, много рассказывал. И как под Сталинградом насмерть стояли, и как на Хопре плацдарм удерживали, и как ранен был, и когда понял, что мы победим.

— Лежу, раненый, на берегу Волги, жду, когда на плоту иль на барже переправят. Вдруг подходит ко мне белая баба с красным крестом на чепчике. Думаю, что такое? Смерть, што ль? А мне говорят: «Д-эт американка. Из «Красного Креста»!» Ну, смекаю, второй фронт. Значит, победа скоро!.. А до победы было ещё ой-ёй-ёй сколько!..

— А тётъ Дуня как? — спрошу несмело, бывало.

— Авдотья-то? Дунька-то? А чё там она сделает? Баба на войне? Тю! Слёзы да вопли, нюни да сопли! — заключит, отмахнувшись от вопроса. — А вот послушай, как мы на Хопре... А вот послушай, как я с мадырочкой... Авдотьи нет ли рядом?

А «баба на войне»... Тётъ Дуня с деревенской подружкой своей, Марьей Мартьяновой, попали в одну часть. В автобатальон Рославльской дивизии. Пока формировались —

учились, доучивались ли, машину водить.

— На чурках ездили, накладёшь в топку, а они сырые, пока разгорятся, да заведёшь машину-то, намаешься, — проговорила как-то тётя Дуня.

Я сначала не понял, хотя вида не подал, какими ещё чурками машину топили?

Оказывается, были, были и такие грузовики с паровым котлом...

— А уж рукоятку-то крутить — опять намаешься. Все жилочки надорвёшь... — вздыхала. — Хорошо, солдат какой мимо пройдёт — поможет...

Представляю: девчушка с заводной ручкой возле огромного грузовика!..

Когда часть прибыла на фронт, шофёрам передовой было не миновать. А кто боеприпасы доставит? Кто раненых отвезёт из санбата в тыл?

Нашим подружкам приказали впервые доставить снаряды на батарею недалеко от передовой. Поехали. Приехали. Стали разгружаться. А тут — юнкеры! Бросили мои землячки и машины свои, и позиции, а сами в лесок какой-то. А там заслон НКВД.

— Куда это вы, гражданочки? Здесь не в своей деревне, куда хочешь не побежишь. Здесь фронт против фашистов. Здесь Красная армия. А вы, бойцы Красной армии, вздумали покинуть свой пост? Знаете, что за это бывает?

— Мы больше не будем, — заплакали обе, — простите нас, дяденьки!.. Простили, вошли в положение девчоночье... Но в основном, Евдокия Федосеева и Марья Мартьянова воевали и отвоевали, как положено. У обеих медали, у обеих награды и благодарности, ордена Отечественной войны, Красной Звезды...

После войны к тёте Дуне и посватался дядь Коля Синицын.

Дед мой, а ее отец Иван Платоныч, дал за Дуней два улья с пчёлами. Помог избу построить на окраине деревни. Дядь Коля умудрился окончить какие-то курсы кооператоров и устроился работать в городе. К тому же молодая чета заделалась отличными пчеловодами. Развели пасеку до двадцати ульев. На вырученные деньги да на то, что дядь Коля зарабатывал в городе, построили дом пятистенный. Развели хозяйство: и корова, и свиньи.

После смерти сынишки дядь Коля сначала сильно переживал. Затем решил:

— Авдотья! А давай-ко усыновим из приюта мальчишку. Будет, кому нажитое оставить. Будет, кому старость нашу обиходить...

Сказано — сделано. Взяли мальчишку, Олега. Дядь Коля сразу:

— О! Сын! Олег Николаевич!

Но не лежало сердце к чужому ребёнку, не могла смириться тётя Дуня с потерей своего сына. Мне как-то пожаловалась:

— Неслушник! Он привык в детдоме к народу. И здесь, чуть что, напугает ребятшек домой, когда я отлучусь. Наозоруют, набедокурят. А сам-то, Колька, не наладится — есть, дескать, наследник! Есть кому добро подписать. А я... Вусейк оговорила, Олега назвала Ванюшкой, а тот сразу: «Какой я тебе Ванюшка! Я Олег!» Молчу, переживаю. Перед глазами Ванюшка...

На родительскую субботу она всегда рыдала на могиле сына, причитала:

— Вы уж, родимые тятенька с маменькой, присмотрите там за внучеком, за Ванечкой моим...

Ванюшка её был похоронен рядом с дедом и бабкой.

Всех сестёр и братьев проводила в последний путь и оплакала тётя Дуня. Она и дядь Коля остались единственные в живых фронтовики деревни. Затем дядь Коля, Николай Иванович Синицын, стал болеть, и фронтовые раны дали себя знать. Бывший разведчик

оглох сначала. Тётъ Дуня, бывало, скажет мне:

— Зайди к нашему, поговори с ним.

Зайдёшь к дядь Коле, а он же ничего не слышит...

Затем ему сделали онкологическую операцию на горле... И разговаривать не мог. Затем отняли раненую ногу. Затем вторую...

— Что я не умер сразу, кому такая обуза нужна? — просипел он как-то по моему приходу, зажимая трубку на горле. — А? Чё ты говоришь?..

— Не болтай чё ни попадя! — крикнула ему в ухо тётъ Дуня. — Чай, я у тебя.

Олегу, приёмному сыну, до отца, казалось, и дела не было.

А тут деревенские вдруг зауважали и Олега...

Перед смертью дяди Коли Олег успел получить на него автомобиль, а на обоих родителей — сертификат на жильё. Добился выплаты наличными и подремонтировал старый дом. Обложил кирпичом, понаделал новых комнат, одну — для матери, провёл водопровод, канализацию. Всё путём. Женился, завёл ребёнка. Но требовал, чтобы мать приёмная ему полностью пенсию отдавала. Свою фронтую. А та копила на памятник Ванюшке.

— Умру, у него лишь крестик деревянный, и у тяти деревянный, и у мамы, — сгниют, и забудется могилка. Васьк! Ты хоть помоги нашему Олегу. Поставьте памятник...

Я пообещал. Но тут Олег громко (он вообще громогласный, а тётъ Дуня думала, что он кричит на нее):

— Я сам поставлю. Поеду завтра и закажу.

Через неделю над могилой встал металлический крест. Без надписей, правда...

Тётъ Дуня снова мне:

— Не забудь! Там, чай, твои дед и баушка...

Я пообещал, но тоже — то одни дела, то другие...

Умерла и тетъ Дуня. Похоронили её чин чинном. Рядом с дядь Колей. У обоих памятники от военкомата... Олег ей поминки справил...

... При жизни тётъ Дуня любила возле дома на крылечке присесть, чтоб видеть, кто идёт мимо. Подойдёшь, поговоришь. А когда Олег дом обнёс забором, она выходила за калитку к гаражу перед домом, садилась на брёвнышки там, высматривала знакомых. Бывало, в трудные девяностые бежишь мимо, свернёшь к ней...

— Деньги-т есть, што ль? — спросит. — А то «на» немножко. Когда будут, отдашь...

Недавно и я выполнил своё обещание. Поставил мраморную плиту на могиле деда, бабушки и брата своего двоюродного Ванюшки.

Может быть, как-то прознает тётъ Дуня про это: есть плита с надписями и фотографиями на могилке её тяти и мамы, на могилке Ванюшки. Не сгниёт память. Пока живы, и её будем поминать добрым словом.